

Матин В.

Юрий Нагибин

ХУДОЖНИКИ XX ВЕКА

Помните, у Некрасова: «Распалась цепь великая, распалась и ударила одним концом по барину, другим по мужику». Это — о крепостном праве. Распад «империи зла», как нас окрестил Рейган, тоже ударил одним концом по нам самим, другим по остальному миру. За рубежом, в Европе, исчез образ врага цивилизации, против которого надо вооружаться, гнать военную продукцию, создавать союзы, наращивать армию, флот, авиацию, атомную мощь, и наступил резкий спад производства, увеличилась безработица, понизился жизненный уровень.

Это, естественно, ударило по культуре, которая, что там ни говори, не может существовать за счет самой себя. Культура всегда содержанка. Независимо, кто ее содержит: государство или частные лица — меценаты, или она держится совместным добротством того и других.

И вот стали пустеть музеи, театры, концертные залы, читальни, книжные магазины, кино и видеосалоны. И заволаговали государственные люди, которым народ доверил свою судьбу. Стали искать выход. Мне лучше всего известно, как это происходило в Италии. Я связан с итальянскими издательствами и киностудиями, поэтому скажу, что делали для оживления культуры там. Государство выделило средства для создания новых частных кино- и видеостудий, стало поддерживать театры и издательства, выпускающие хорошие серьезные спектакли и книги.

А вот итальянский издатель, писатель, психолог и общественный деятель Армандо Вердильоне придумал то, что я в шутку называю «искусствоведением с человеческим лицом» (исходя из нашей формулы о социализме). Больше, многомуд-

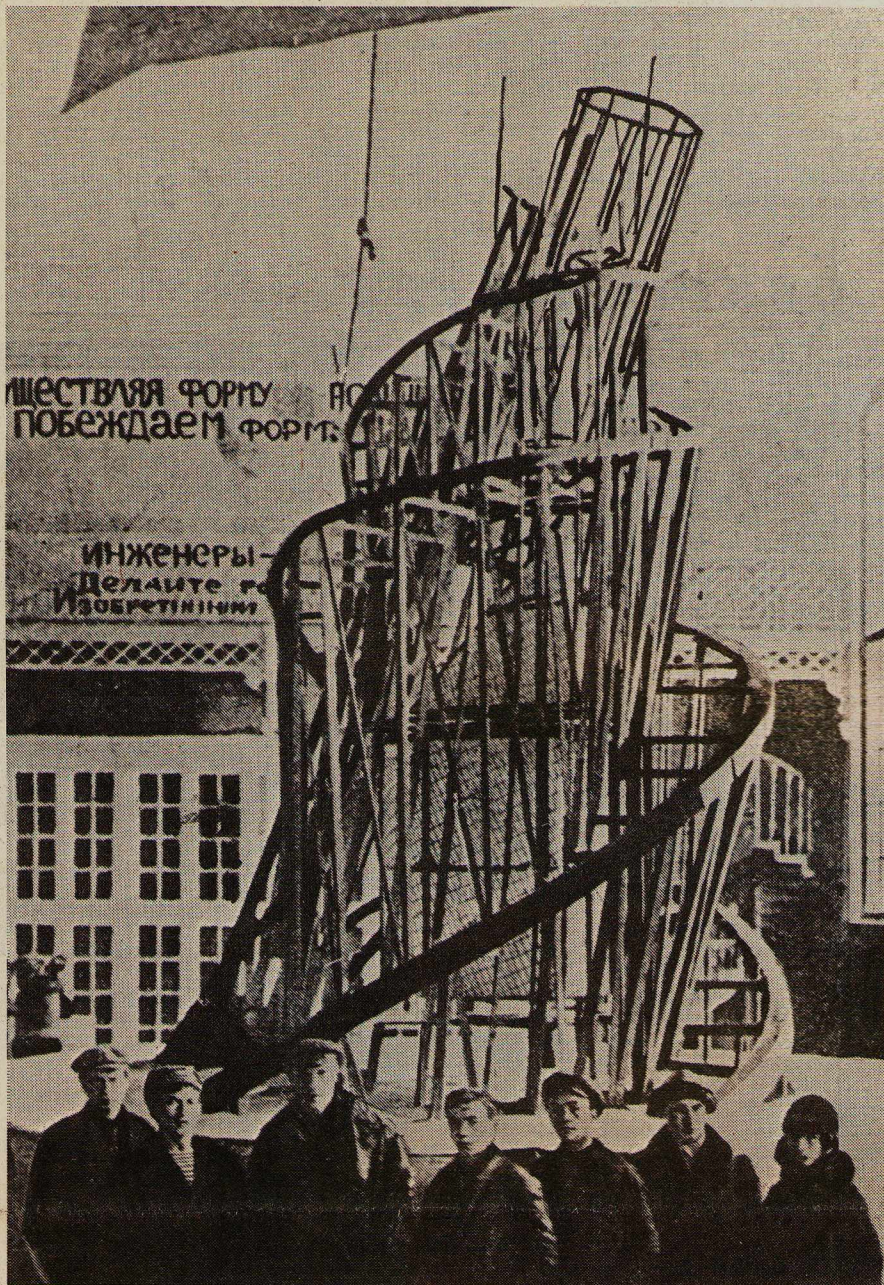
рые, прекрасно изданные книги о художниках и скульпторах очень плохо расходятся. Они трудны для мало искусственного в искусстве читателя и не привлекают людей в музеи, на выставки — скорее отпугивают. И он решил заказывать небольшие монографии не специалистам, а писателям, любящим изобразительное искусство. В их число попал я. В Италии вышел каталог знаменитого Сальваторе Фиуме с моим предисловием и каталог одаренного, но менее известного Парацелью тоже с моей вступительной статьей.

В каждую книжку входят два художника: старый и новый. Я выбрал для начала такие пары: «Тинторетто—Шагал» и «Вермеер Дельфтский—Татлин». Обе книги уже на выходе. Удастся ли мне создать «искусствоведение с человеческим лицом» — судить читателям.

Мне бы хотелось, чтобы эти строки попали на глаза нашим правителям и они вспомнили о культуре. Если природа — среда физического обитания людей, то культура — среда духовного обитания. И то, и другое равно необходимо для жизни. Плохое физическое здоровье нашего народа — от бесчинств в природе, упадок народного духа — от культурной заброшенности. К сожалению, наши «меценаты» куда охотнее вкладывают деньги в презентации разной чуши, тусовки с шампанским, рулетку, лотерею и балы, нежели туда, где создается черный хлеб культуры. Значит, эту заботу должно взять на себя с полной ответственностью государство. В дикашном обществе никакие реформы невозможны.

Сегодня «Культура» публикует работу Ю. Нагибина о В. Татлине с некоторыми сокращениями.

ВЛАДИМИР

ТАТЛИН

где угодно, отстаивать свою правду. Он не признавал авторитетов, но был в плену у Хлебникова: грезил его стихами, смотрел на мир его глазами, но не из подчиненности, а потому, что Хлебников зорче видел то, что открывалось ему самому. Татлин формально не входил в группу футуристов, сложившуюся вокруг Давида Бурлюка и Хлебникова, но исповедовал ту же веру, был так же устремлен в будущее. «Будетлянином», то есть человеком будущего, называл себя Хлебников. Татлин был его другом, постановщиком, иллюстратором, портретистом, вдохновенным пропагандистом. Он оставался верен его памяти и после ранней смерти поэта, устраивая хлебниковские торжества. Хлебников был из породы высоких безумцев, отсвет его ирреальности, сдвинутой падал на душевно здорового Татлина. Странности, порой диковинные, поведения Хлебникова, безытного, бездомного, неукладного, молва переносила на Татлина. Обыватели с некоторым испугом косились на рослого ражого молодца с пудовыми кулаками молотобойца.

Он виртуозно играл на бандуре (инструменты делал сам своими на редкость ухватистыми к каждому ремеслу руками), пел низковатым голосом, и, как сказано в песне: «Через ту бандуру бандуристом стал». Он съездил со своей бандурой в Берлин и получил там приз, а молва послала его в страдания по просторам России в компании слепых бандуристов.

Татлин, подобно Хлебникову, был безразличен к одежде, охотнее всего обходился старым свитером с растянутым воротом, обвислым пиджаком и мятыми брюками, но, как и на Хлебникова, на него вдруг находил щегольской стих, он покупал модные пальто, перчатки, тросточку и не идущее к этому ансамблю летнее канотье. Это тут же становилось темой умышленных пересудов, слепящих переходила в молву, молва — в легенду.

Татлин не был бабником, скорее уж человеком целомудренным, но в какой-то счастливый момент юности позволил себе неосторожные лезущие увлечения и стал «свиловским обольстителем».

Татлин был неустанным тружеником с высочайшей рабочей дисциплиной, молва называла его богемой. Его вечный художнический поиск толпа называла блажью.

тут Татлину принялись делать благополучную советскую судьбу.

Судьба трагическая была превращена в беспрерывный советский праздник. Такова вторая легенда.

Теперь перейдем к третьей, самой, пожалуй, удивительной. Личная жизнь Татлина погружена в туман. У него был сын, погибший в Отечественную войну, но я и слова не слышал о его жене. В моем представлении он всегда был человеком бессемейным, как и его друг Велимир Хлебников. В молодости он постоянно был окружен учениками и поклонниками, среди которых оказалась незадачливая балерина и начинающая художница, юная Александра Корсакова — Шура. Она дебютировала на сцене крайне неудачно: при кажущейся гибкости стройной, высокой фигуры она выглядела деревянной, и даже влюбленный в нее рецензент, известный искусствовед Сидоров, с трудом выдавал что-то на счет «безукоризненно красивой Корсаковой», не упомянув о танцах. А вот Татлин обнаружил в ней несомненный графический талант. В девушке странно сочетались упорство и лень. Последнего не выносил фанатик работы Татлин. Он был отчаялся от нее, да уж больно хороша! Она волновала его своим загадочным присутствием-неприсутствием, казалось, Шура все время думает о чем-то находящемся в бесконечности дали от того места, где она физически пребывает. Это беспокойло и влекло, как всякая тайна. По моему, тайна Александры Николаевны Корсаковой заключалась в легкой форме шизофрении, не знаю, догадывался ли об этом Татлин. Безумие в небольших дозах красит женщину, у Татлина с его ученицей начался роман и длился несколько лет, пока она окончательно не убедилась, что он на ней не женится.

Тогда она сошлась с довольно известным в московских кругах молодым человеком Борисом Семеновичем Луниным. Недоучившийся студент Петербургского университета, Лунин не имел профессии. Очень худой, длинный, умный, с легким характером, довольно остроумный, хотя не понимал чужих шуток и анекдотов, он показался Шуру удобным спутником в жизни. Они поженились. Татлин изредка навещался к ним, искренне полюбив Бориса Семеновича.

В середине тридцатых годов она начала приобретать имя как талантливый иллюстратор. Но вскоре левое искусство прикрыли, и Шура без особых душевных мук забросила карандаш. Во время войны, когда сильно припекла нужда, она занималась ретушью, позже Татлин, желая помочь милым ему людям, привлекал ее в качестве художницы по костюмам к своим театральным работам. У Татлина не было ни одного родственно близкого человека, и, умирая, он сделал

ты: «Матрос» — масло, «Продавец рыбы» — клева красная и двадцать три эскиза к народной драме «Царь Максимилиан» и его некороткий сын Адольф. В России «Матрос» стал так же знаменит, как рублевская «Троица» или «Черный квадрат» Малевича, но значительно живописнее последнего, хотя, возможно, не столь глубокомыслен. Это автопортрет, выполненный в предельно лаконичной манере, на очень условном фоне, дающем наметку на осязку парусника. Сколько существует матросских портретов, но для всякого, кто видел татлинского моряка, хотя бы в репродукции, существует только этот салага: надежный, с мощной шеей, так хорошо обремененный чуть растянутым воротом штормовки, знающий себе цену, сильный и скромный человек.

Но, конечно, главное достоинство портрета не психология, а живопись. Няркие, приглушенные краски, жестковатая манера — кажется, что он не кистью написан, а сбит, сколочен на века рукой гениального столбара. Этот портрет, подержанный чудесным «Продавцом рыбы», как-то сразу поставил все на свои места в авангардном искусстве, выведя Татлина в безоговорочные лидеры. Затем Татлин уехал в Берлин, а по возвращении с головой ушел в новое и непривычное дело — монументальные рельефы. В связи с этим был выброшен новый лозунг: вместо «Улучшить глаз» — «Ставим глаз под контроль осязания». Он был уже так влиятелен в это время, что лозунг, не понимая толком его смысла, подхватили чуть не все молодые художники.

Сам Татлин разделял эти работы на три самостоятельных ряда: «живописные рельефы», «контррельефы» и «материальные подборки». Все это были варианты художественного конструирования. В советском искусствоведении к этому определению неизменно добавляется слово «экспериментальное», чтобы, упаси Боже, не подумали, что произведения этого рода могут иметь абсолютную художественную ценность и претендовать на самостоятельное место в ряду других искусств. Нет, это всего-навсего эксперимент, попытка что-то придумать, игра взрослых людей, блажь, наконец, но довольно безобидная, если не принимать ее всерьез и не допускать в парадные комнаты искусства. Возможно, в силу такого вот отношения к этим работам Татлина они не дошли до наших дней, во всяком случае мне не удалось отыскать их местопребывание, за исключением одного материального подбора в Третьяковской галерее. Он сделан из лакированного красного дерева и кровельного оцинкованного железа. Работа находится в запущенном состоянии, но чувствуется «глаз, проверенный рукой и тот изысканный дух, который ее породил. Впрочем, пренебрежение и небрежность пришло уже во дни советской власти, а в пору, когда Татлин с огромным воодушевлением и продуктивностью создавал свои «рельефы», отношение к ним в художественных кругах было заинтересованное, хотя и неоднозначное. Ретроградов во все времена хватало.

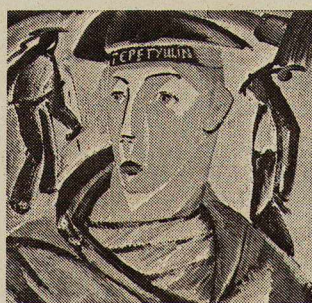
Меж тем в «терновом венце революций» наступил 1917 год, окрылив Татлина смелыми надеждами, открыв (и быстро закрыв) новые возможности, сообщив (обманно) неслыханный масштаб его творчеству, — конечно, говорю о «башне Татлина», чья печальная судьба нам известна.

Татлин прошел через жесточайшие разочарования, связанные с «башней Татлина», оставшейся моделью, с художественным конструированием, выродившимся не по его вине в бытовую мелочевку, а там и вовсе в дизайн одежды, с механической птицей «Летатлин», так и не поднявшейся в небо, со сценарием, медленно, но неуклонно превращавшейся в натуралистическое подобие быта, а для него самого — в халтуру.

В тридцатые годы его окрылил вернувшийся после долгого перерыва интерес к живописи. Нет, интерес — слишком вялое слово, то была истинная страсть, не знавшая утоления. Чаще всего он пишет натюрморты, как никогда, щедро расцвели татлинские цветы и заблagoухали с холстов дивные букеты, но были и пейзажи «Лето», «Весна», «Сумерки» несколько выразительных портретов. Особенно хорош портрет неизвестного — и живописно, и почти пугающим проныкинством в страшноватую суть человека. Тогда же написана лучшая из обнаженных Татлина — «Купальщица».

Что думал Татлин, угасая, революцией, от которой ждал расцвета человеческой личности, расцвета культуры, искусства, рождения новых форм творчества, — мы не знаем. Д самой смерти Татлина о таких вещах не говорили, даже не шептались, о них плакали наедине. А Татлин ушел в один год с Сталиным. Но когда я встретил его на лестнице дома, где жил Корсакова, не нужно было слов, чтобы понять всю печаль боль и разочарование этого огромного, чистого, мудрого наивного человека.

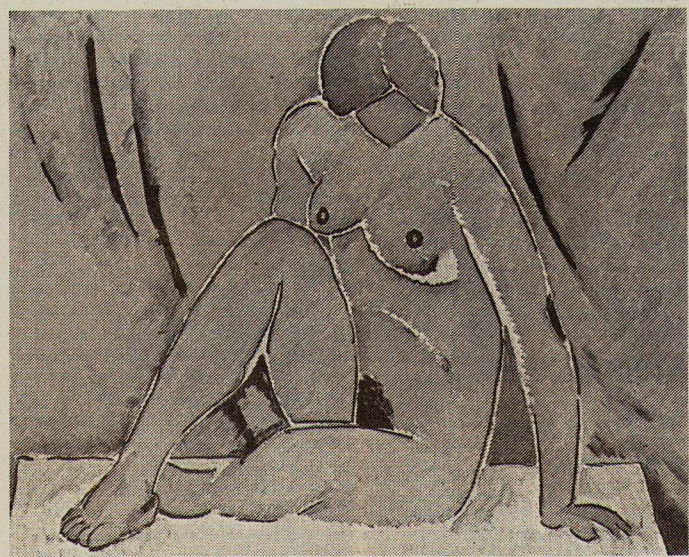
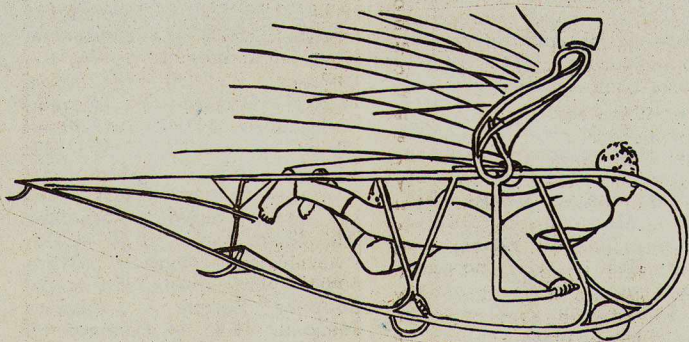
- Вашия Третьего Инте национала.
- В. Е. Татлин.
- Матрос.
- Летатлин.
- Обнаженная.

Татлин не знал материнского тепла, не чувствовал под собой семьи и рано стал бродягой. Семнадцати лет, едва окончив Харьковское реальное училище, он сбегал из дома, добрался до Одессы и ушел юной на паруснике к берегам Турции.

Домой он из плавания не вернулся, а поехал в Москву, где пристроился к молодым художникам-богомазам. Он стал писать иконы и готовиться в художественное училище, куда и поступил. Учителями его были великие Валентин Серов и Константин Коровин. Но, видимо, учителя не очень-то были нужны Татлину — свои занятия он продолжал в Пензе у местных провинциальных художников: И. Горюшкина, Сорокопудова и А. Афанасьева — иллюстратора сказок. Учился он лениво, но упорно копировал в летние месяцы древнерусские церковные фрески.

Татлин как личность покрыт тремя слоями вранья, и реставрировать его подлинную судьбу дело не такое простое. По чистой случайности мне довелось узнать многие обстоятельства его жизни, мало кому известные. Первый слой вранья — самый бесхитростный — может быть назван фольклорным. Он возник очень рано, едва Татлин обрисовался на фоне похвальной его Татлин обязан своей необычности: в нем странно сочетались тихость с авантюрной предприимчивостью, скромность с внутренней свободой и полной независимостью от чужих мнений, погруженность в себя с раскованностью и готовностью

Во всем этом не было большой беды, Татлин, если и вел о сопутствующих ему слухах, то не придавал им значения. Были дела поважнее...

Более противна официальная легенда, которая начала складываться во второй половине шестидесятых годов, когда с искусства Татлина сняли табу и в Доме архитекторов состоялась небольшая выставка, посвященная его восьмидесятилетию. Окончательно оформилась легенда в исходе семидесятых — о Татлине стали говорить, и молодая советская популяция с удивлением узнала, что был такой громадный художник, который не только писал картины и создавал скульптуры, но строил башни, самолеты, изобретал новые формы домашней утвари, ставил спектакли и играл на бандуре. Оказалось, что он был первоиллюстратором Хлебникова, Маяковского и Хармса, опередил Кальдера в создании висшей скульптуры и Иогана, архитектора так и не возведенного гиганта — «Дворца Советов», — в замысле высочайшего здания в мире. И

наследницей Александру Николаевну. Ей досталось несколько картин, рисунков, довольно много театральных эскизов. В пятьдесят третьем году ей в голову не могло прийти, что это не только богатство, но и судьба. Затем Борис Семенович умер...

Чем больше ширилась слава Татлина, тем значительнее становилась судьба его наследницы. Это заставило ее крепко задуматься. В 1976 году на Большой Молчановке возникла вдова великого художника Татлина. Меня поразила ее дерзкая, это была хлестаковщина чистой воды. Но на Руси любят хлестаковых, любят обман, непепичку, вздор, это наша национальная черта.

Пересказывая татлинские легенды, я невольно познакомил читателей с основными вехами его творческой и житейской биографии. Осталось несколько белых пятен.

Значительным в жизни Татлина был 1912 год. На выставке Московского училища живописи и ваяния, куда Татлин дважды поступал, так и не окончив, он выставил свои лучшие рабо-